

языка не может принципиально учитывать важные смысловые различия в текстах.

Необходимость описывать оттенки языка, о которых справедливо говорит Р. А. Будагов со ссылкой на Пешковского, вовсе не означает запрета на формализацию.

Во-первых, и оттенки допускают точное описание, а во-вторых, об оттенках хорошо говорить, когда «чистые цвета» достаточно четко описаны.

Упомянутая превосходная книга А. М. Пешковского сама служит образцом точности описаний, доходящей до математического уровня, хотя в этой книге не используется какой-либо готовый формальный аппарат. Образцом строгости и точности может служить, хотя бы определение А. М. Пешковским нулевой морфемы, перекочевавшее в некоторые математические книги. В цитированной книге Ю. А. Шрейдера приводится формальный аппарат для описания понятия смыслового сходства, т. е. почти синонимии. В цикле работ А. К. Жолковского, И. А. Мельчука и др., описываются весьма тонкие оттенки смысла слов. В работах Ю. С. Мартемьянова формализуется тонкая структура актуального членения текста. Следовательно, неверно следующее утверждение Р. А. Будагова: «Оттенки мешают формализации языка, поэтому они объявляются нежелательными». Отчасти верна здесь только посылка, но силлогизм неправилен.

Разумеется, начинать всегда приходится с грубых моделей, с временных упрощающих предположений. Важно не застрять на этом этапе, не превратить его в такой же абсолют, как требование отказа от формализации лингвистических описаний.

Р. А. Будагов, несомненно, прав, говоря о связи языка и мышления. Но вряд ли справедливо противопоставлять, как он это делает, языки номинативного строя языкам эргативного строя по уровню мышления («Не подлежит, в частности, сомнению, пишет Р. А. Будагов, что на языках номинативного строя люди точнее, полнее и адекватнее выражают свои мысли и чувства, чем на языках активного или эргативного строя»⁷.)

Ведь по существу речь идет о следующей альтернативе. Либо все человеческие языки одинаково приспособлены к самому высокому уровню мышления и нет неполноценных языков и рас, либо существовала и существует школа градации интеллектуального уровня отдельных наций. И пока наука не доказала однозначно второго, лучше придерживаться первой точки зрения. Утверждение Р. А. Будагова о том, что «существует определенный уровень развития мышления» не подтверждено наукой и опасно по своим политическим последствиям. Более осторожно было бы остановиться на критикуемой Будаговым точке зрения, что «мышление у человека во все века было в целом тем же. Менялось не мышление, а мировоззрение, политические взгляды и эстетические вкусы»⁸.

Нам представляется, что связь языка и мышления надо устанавливать, не исходя из тех или иных априорных доктрин о природе мышления, но рассматривая язык и его изучение как один из важных подходов к пониманию природы мышления. Лингвистика и семантика имеют в своем распоряжении ключи, которых не хватает логике. Например, свойство сообщения является текстом для данного общества, в том смысле, как это рассматривали Ю. М. Лотман и А. М. Пятигорский⁹, логика не рассматривает. Изучение «нелогичности» образования значений в языке очень интересно именно с точки зрения изучения человеческого мышления. Физиологи пытаются получить от мозга сообщения о его работе в виде энцефалограмм, а тот же мозг непрерывно сообщает о своей работе в тек-

⁷ Будагов Р. А. Указ соч., стр. 410.

⁸ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., «Наука», 1967.

⁹ См. Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970.